

Е.М. КОВШОВ, М.Е. КОВШОВ

**ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНОСТИ ОЦЕНКИ
В ЭТИКЕ И ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

В статье анализируются причины различного соотношения объективной и субъективной составляющих оценки в моральном и правовом сознании. Выясняется в качестве главной причины различие в диапазоне воздействия на духовную сферу и практику жизни общества специфики и особенностей морали и права как форм духовной культуры.

Ключевые слова: оценка, объективность, субъективность, мораль, право

Ковшов Евгений Михайлович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Самарский государственный технический университет. E-mail: kovshovem@rambler.ru

Ковшов Михаил Евгеньевич – преподаватель кафедры философии, Самарский государственный технический университет. E-mail: mkovshov@yandex.ru

E.M. KOVSHOV, M.E. KOVSHOV

**THE PROBLEM OF THE OBJECTIVE ASSESSMENT
IN ETHICS AND JURISPRUDENCE**

In this article the reasons of different proportion of objective and subjective assessment components in the moral and legal consciousness are analyzed. It was found that the main reasons are differences in the range of the impact on the spiritual sphere and on the practical life, specific features of the moral and the law as the forms of spiritual culture.

Keywords: assessment, objectivity, subjectivity, moral, law

Evgenii M. Kovshov – Doctor of Philosophy, Professor, professor at the Department of Philosophy, Samara State Technical University. E-mail: kovshovem@rambler.ru

Mihail E. Kovshov – lecturer at the Department of Philosophy, Samara State Technical University. E-mail: mkovshov@yandex.ru

Предлагаемая к обсуждению проблема объективности оценки в этике и юриспруденции состоит в выяснении соотношения объективности и субъективности содержания оценочных суждений в социально-гуманитарных науках, в частности, в юридических науках и этике как науке о морали. В философии науки XX в. сложились две противоположные позиции понимания роли оценочных суждений в научном познании.

Для позитивистской теории познания характерна редукция объективности оценки к истинности, что имело следствием сведение всех употреблений языка только к описательным высказываниям, которые можно квалифицировать в категориях истинности – ложности. С этих позиций множество разнообразных нормативных, оценочных (неописательных) утверждений следует исключить из языка науки. Одновременно существовала другая позиция (представители философии жизни, неокантианства, феноменологии и др.), стоявшая в оппозиции к позитивизму, которая подчёркивала важность «оценок» для всего процесса человеческой жизнедеятельности и неустранимость их из языка социальной философии и всех социальных наук. В течение 20-го столетия

в философии науки произошло осознание, что «не только описания, но и оценки, нормы и т. п. могут быть обоснованными или необоснованными» [2, с. 428]. Задача состоит в разработке, определении надёжных критериев объективности оценочных утверждений, которая устанавливается в ходе обоснования оценок и норм, и изучения возможности исключения необоснованных оценок.

Следует различать разные типы объективности, существующие в науке, прежде всего, в естественных и социально-гуманитарных науках. В естествознании «объективность означает способность непредвзято и без предрассудков вникать в содержание дела, представлять объект так, как он существует сам по себе, независимо от оценивающего субъекта» [2, с. 426].

Но и в социально-гуманитарных науках объективность обусловлена особенностями познания конкретных наук. Так, А.А. Ивин выделяет три разных типа объективности в науках о культуре.

По данной классификации Ивина А.А. этика и юриспруденция принадлежат к типу объективности нормативных наук, предполагающих систему абсолютных категорий, совместимых с

формулировкой явных оценок «и, в частности, явных норм» [2, с. 428], призванных регулировать поведение людей. Моральные и правовые нормы имеют относительно устойчивый характер, общеобязательны для всех и выражают как общие требования справедливости, так и волю социальных групп и классов, стоящих у власти. При этом объекты морали и права во многом совпадают, они находятся в постоянном взаимодействии, но средства регуляции поведения у них имеют свою специфику. Законодательство не может нормировать отношения нравственности, но оно влияет на формирование нравственных воззрений и норм.

Наряду с указанной общностью мораль и право различаются как по объекту и способам регулирования, так и по средствам обеспечения соответствующих норм. Объектом моральной регуляции являются как межличностные отношения, так и личная жизнь людей, а право регулирует лишь общественно значимое поведение и не должно вторгаться в личную жизнь. Способом регуляции общественных отношений в праве являются государственные правовые акты, фиксирующие нормы правоотношений в обществе, соблюдение которых обеспечивается государственным правовым поощрением или осуждением, в том числе принуждением и юридическими санкциями. В сфере морального регулирования поведения действуют только духовные санкции одобрения или осуждения через общественное мнение, общепринятые традиции и нормы, индивидуальное сознание («голос совести»).

Помимо сказанного выше, выясняя различие критериев объективности оценки, следует также отметить другие общие черты и особенности этики и юриспруденции и соответствующей им практике.

Общей характеристикой мышления в области права и морали является его ценностно-нормативный характер, вследствие чего здесь истинностный момент в мышлении вторичен и подчинён ценностному. Это означает, что рациональные выводы в этике и юридической теории – это «вовсе не научные знания, а отчётливая система предпочтений» [7, с. 4]. Если в естествознании критерием объективности научных высказываний является апелляция к законам природы на соответствие/несоответствие им, то в этике и теории права подобную роль играют моральные и правовые законы, ограничивая действия людей определёнными нормами.

В отличие от этики, специфика теории права обусловлена системностью и детальной регламентацией правового со-

знания в формах и комплексах правовых актов, которые задают границы теории и социальной практике, выступают как данность, из которой следует исходить при описании и оценке действий людей как граждан. Кроме того, специфика оценочного характера правового мышления состоит в принципиальной отстранённости от моральных оценок. Если основанием моральных запретов является усмотрение общественной вредности каких-либо деяний и отношений, то в правовом сознании основанием вредности деяний считается их запрещённость законом.

Для более глубокого выяснения различия критериев объективности оценки в области теории морали и права представляется плодотворным подход с позиций неонкогнитивистской методологии, согласно которому мораль и право исследуются как феномены человеческого бытия, как формы духовной культуры и общественного сознания, выражающие ценностные аспекты как общественных отношений, так и отношений личности и общества [8].

В общественном сознании эти феномены объективированы в виде моральных и правовых понятий, а на уровне теории – во множестве этических и правовых концепций. Согласно данной методологии, в предмет этики и юриспруденции входит выяснение содержания ценностных установок субъектов, принципов и норм, категорий добра, долга, справедливости и др., сложившихся в определённых социальных и культурно-исторических условиях. Известно, что ценности не существуют сами по себе как объекты, а возникают лишь во взаимодействии субъекта и объекта как характеристики отношений людей, принимаемых ими в виде традиций и норм, осознаваемых в указанных выше категориях. Поэтому основным методом выяснения их содержания является рефлексия, а её объектом являются «собственные ценностные установки рефлектирующего индивида, имеющие общезначимый смысл» [9, с. 46]. В этой связи нравственные законы, а также категории добра, зла, справедливости и др. традиционно в истории западной философии относятся к числу непостижимых ценностных начал [9, с. 50].

Как указано выше, моральное и правовое сознание используют одни и те же категории, но их использование различается как характером, так и масштабом, границами применения. Моральные законы, принципы и нормы для цивилизованного человечества часто имеют абсолютный характер, принимаются в различных исторических эпохах и культурах как правила поведения, которые должны соблю-

дать все люди. В качестве исторического подтверждения данного положения хочется сослаться на множество этических концепций объективистского направления, представители которого полагают причиной существования морали совокупность каких-либо внешних факторов. По содержанию и природе этих факторов этические концепции данного направления можно сгруппировать по трём направлениям: 1) природно-эволюционному; 2) социально-организационному; 3) религиозному [5, с. 251]. Указанные концепции опираются на «золотое правило этики», на перечень моральных принципов, указанных ещё в древнеегипетской «Книге мёртвых», когда человек после смерти должен дать отчёт перед Последним Судом. Вот некоторые из них: я не чинил зла людям; я не убивал; я не крал; я не обманывал; я не совершал прелюбодеяния и т.д. Как видим, они удивительным образом совпадают по содержанию с буддистскими, христианскими и мусульманскими моральными нормами и законами [1, с. 36].

Моральные принципы и нормы в данных концепциях выступают в качестве (роли) недостижимых идеалов, определяющих правила (границы) и задающих перспективу нравственного развития и совершенствования общественных отношений и поведения личности. Критерием объективности оценки морального суждения является апелляция к должному, проверка на соответствие принципам и нормам принятой субъектом (личностью, группой) иерархии нравственных ценностей, независимости от возможности (или отсутствия) её реализации. Так, категорический императив Канта повелевает: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [4, с. 260].

Помимо объективистского, существует множество этических концепций субъективистской направленности, в которых при осмыслении морально-нравственных отношений критерий объективности оценки моральных суждений выводится из особенностей и специфики субъекта (личности, группы, общества, культуры). Сюда входят концепции эмотивизма, гедонизма, культурного релятивизма, прагматизма и др. «В них оправдывается моральный релятивизм, отвергается существование каких-либо всеобщих моральных ценностей и норм, разделяемых всем человечеством, идея нравственного прогресса, иерархия высших и низших ценностей, существование объективных критериев моральной оценки. Дан-

ный подход сводит все моральные суждения к вопросу личных предпочтений и вкуса, декларируя принцип: никто не должен навязывать другим людям своих моральных взглядов, постоянно отступая от них в повседневной практике» [5, с. 250]. То есть «тот, кто отрицает объективный характер ценностей, как правило, заинтересован в утверждении собственной правоты и нежелании сомневаться и как-то изменять своё мнение, т.е. частный (нередко индивидуальный) интерес является эмпирической базой аргументации в пользу морального релятивизма» [Там же].

В данных концепциях при оценке суждений преувеличивается вплоть до абсолютизации момент специфики субъекта, игнорируется существование общечеловеческих принципов и норм морали, закреплённых во всемирной Декларации прав человека. Здесь критерий оценки объявляется субъективным по существу и ни о какой её объективности говорить не приходится.

Чем же отличается от этического критерий объективности оценки суждений в юриспруденции? В первую очередь определением границ практической реализации, которые не указываются в этике. Право существует лишь в государстве, в котором люди являются гражданами, обладающими свободой и равенством в отношениях и границах, определяемых государственным строем и законодательством. В отличие от моральных обязанностей, апеллирующих к общественному мнению, соблюдение тех же элементарных моральных норм (не убий, не укради, не лги и т.д.) должно быть обеспечено силой государственной власти. Как было сказано выше, моральные категории имеют абсолютный характер, а вот наполнение их конкретным содержанием производно от уровня развития общества, специфики и особенностей его культуры и государственного устройства. В связи с данной детерминацией в любую историческую эпоху, в любом обществе происходит огромное количество нравственных преступлений, которые не считаются таковыми с позиций существующего правового законодательства. В этой связи следует отметить как достижение русской философской мысли XIX-го столетия исследование соотношения морали и права выдающимся русским философом В.С. Соловьёвым, который полагал, что «право есть низший предел или определённый минимум нравственности» [10, с. 328]. И здесь же немного далее он подчёркивает: «Право есть принудительное требование реализации определённого минимального

добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла» [Там же, с. 329]. В качестве демонстрации правильности этого положения можно привести пример клятвы Гипократа в медицине, которая является нравственным категорическим императивом для всех медицинских работников, но не все её соблюдают в своей профессиональной деятельности. Поэтому выработан правовой кодекс работников медицины, регламентирующий обязательный перечень их действий в интересах больного.

Вместе с тем в правовом сознании и практике всегда присутствует элемент субъективности, который обусловлен разными причинами. Прежде всего это обусловлено историческим фактором, содержанием переживаемой эпохи, характером и особенностями данного общества и культуры. Данный тезис можно показать на примере функционирования в истории категории справедливости как формы социальной рефлексии. Так, в доклассовом обществе отсутствовало право как форма общественного сознания и регуляции поведения людей, а представление о справедливости ограничивалось родоплеменными моральными и религиозными нормами отношений. С появлением частной собственности, классов и государства понятие справедливости приобретает классовое содержание как в моральной, так и в правовой сфере. В Древнем Риме раба не считали человеком и не признавали наличия у него нравственных добродетелей, в том числе чувства справедливости. Плутарх полагал, что воровство, ложь, неводержанность, склонность к чувственным наслаждениям являются специфическими качествами рабов. То есть большая часть античного общества не входила в число граждан и не обладала соответствующими юридическими и моральными правами. В последующие эпохи представления людей о справедливости менялись по содержанию в соответствии с социально-классовой структурой общества. Этим фактором обусловлено наличие множества законодательств различных государств, отражающих специфику и особенности культур различных стран и народов.

Помимо исторического фактора, субъективность оценки нередко порождается сложностью построения адекватной ожиданиям общества правовой системы, неосознаваемых ошибками, заблуждениями. Так в постсоветском российском государстве в семейный кодекс РФ была включена новая статья 62 о правах несовершеннолетних родителей, в которой

ничего не прописано об их обязанностях перед детьми [3, с. 28]. Эта недоработка правовой системы демонстрирует неготовность существующей теории права к осмыслению новых социальных явлений в нынешнем российском обществе [6].

Субъективность оценки, помимо неосознаваемых причин, часто возникает вследствие сознательного нарушения правовых норм представителями правовой системы (следователем, прокурором, адвокатом, судьёй) по субъективным интересам разного характера (взятки, просьбы, приказа вышестоящего начальства, самолюбия, искажения сути статей законодательства по корыстным интересам и т.п.). Данный аспект субъективности оценки в юриспруденции требует специального исследования, что выходит за рамки нашей статьи.

Таким образом, требование объективности оценки в этике и юриспруденции выражает преодоление зависимости от своих субъективных личностных и групповых предпочтений и предрассудков, требование оценивать события и ситуации с нейтральной точки зрения, обособывая суждения с позиций гармонии общественного блага и интересов личности.

Список литературы

1. Гудинг Д., Леннокс Дж. Мирозозрение: человек в поисках истины и реальности / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. – Ярославль: «Норд», 2004. – Т. 2, кн. 2. – 384 с.
2. Ивин А.А. Основы социальной философии. – М.: «Высшая школа», 2005. – 440 с.
3. Казанцева А., Титаренко Е. Право есть, а обязанность? // Человек и закон. – 2016. – № 10. – С. 27-32.
4. Кант И. Критика практического разума. Соч. Т. 4, ч. 1. – М.: «Мысль», 1965 (Философ. наследие). – 544 с.
5. Ковшов Е.М. К анализу объективистского и субъективистского подходов в понимании сущности и иерархии моральных ценностей // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего. Периодическое научное издание. – Пенза: Изд-во Пенз. гос. технол. акад., 2012. – С. 249-253.
6. Ковшов М.Е. Проблема субъективности оценки в юриспруденции // Аспирантский вестник Поволжья. – 2012. – № 3-4. – С. 46-48.
7. Малахов В.П. Логика для юристов. – М.: Издательство «Академический проект»; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 429 с.
8. Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 160 с.
9. Максимов Л.В. Проблема обоснования морали. Логико-когнитивные аспекты. – М.: Философское общество СССР, 1991. – 136 с.
10. Соловьёв В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации; Алгоритм, 2012. – 656 с.